

Е. Г. Соколов (СПбГУ)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ «МАРАФОН»
И КУЛЬТУРНО-СОБЫТИЙНЫЙ НАРРАТИВ**

Вначале три оговорки. Первая: как хорошо известно, о том, как воспитывать-образовывать детей (даже и великовозрастных), лечить людей и править страной, знают абсолютно все. Образование-воспитание, медицина и политика – те области, где любой дилетант чувствует себя вполне комфортно и где всегда отыщется, о чем потолковать. А посему и я, являясь в теоретическом отношении практически полным профаном и в педагогике, и в медицине, и в политике, ибо узкопрофессионально приписан к иным ведомствам, с такой вот «отвагой любителя» с удовольствием выскажу свои соображения «на сей счет» (в данном случае – насчет образования-воспитания). Отчасти моя отвага опирается на следующее: хотя теоретически «не подкован» и «не умудрен», но практически включен, т.е. принимаю непосредственное участие в силу служебных обязанностей в образовательно-воспитательном процессе «на высшем уровне» – в вузе, – а потому время от времени, под влиянием достаточно формально-административных причин, вынужден сей процесс

(образовательно-воспитательный) «осмыслять», облекая собственные впечатления в словесно-смысловые последовательности.

Вторая: из всех возможных, существовавших в прошлом и существующих ныне воспитательно-образовательных моделей я знаком только с двумя: советской и постсоветской, нынешней российской. Причем лишь в их завершающей, «высшей» стадии – в системе высшего и поствысшего образования. Соответственно, все мои рассуждения будут опираться лишь на эти опыты. При всей схожести советской и постсоветской высших школ – как-никак, они все же располагаются внутри одной культурной традиции – между ними существует ряд принципиальных отличий, о каковых, собственно, и речь впереди.

Третья: как ни «противится душа», как ни странно и ни двусмысленно это звучит – прекрасно понимаю несуразность, жесткую непреклонность и теоретическую несостоятельность «зачина», позволяющего уберечь рассуждения от справедливых нападок реальности, отсечь ее с самого начала и развязать руки сугубо умозрительному манипулированию, использую его в дальнейшем в качестве репрессивного инструмента догматизации, – но все же спешу «оговориться о терминах». А именно – о том, что будет подразумеваться ниже под образованием, а что – под воспитанием. Прибегаю же к подобному обороту потому, что подозреваю: в специальной научной (дедактически ориентированной) литературе на сей счет должны существовать разночтения. Итак, под образованием здесь будет мыслиться достаточно обширный комплекс разнообразных процедур, направленных на формирования у «адепта» некоторой суммы профессиональных навыков посредством передачи ему определенных знаний-умений. Образование – от образа, «образа профессии» – легитимного образца того или иного рода деятельности, по которому выправляются так или иначе все образовательные процедуры. Соответственно, под воспитанием – иной комплекс мероприятий, целью которых является общая «экзистенциальная дрессура», или проработка и выработка определенного «типа человека», т.е. формовка необходимого социуму на данный момент «антропологического субстрата». Предметом или объектом воспитания будет выступать «Человек (вообще)», приемлемый или, напротив, неприемлемый в рамках определенной социальной программы, его, Человека, «настрой», «позиция», «позиционность». Объектом же/предметом образования – человек-умеющий-что-то-делать, или обладающий определенными навыками, востребованными в системе общественного разделения труда. Разумеется, предложенные «определения» весьма и весьма расплывчаты и ни на что не притязают. Они – рабочие в рамках работы данного текста-речи. Кроме того, не следует упускать из виду, что одно с другим – образование с воспитанием – взаимодействуют, пересекаются, составляют, по существу, в реальности некое единство. Однако могут быть в определенных обстоя-

тельствах – в частности, в обстоятельствах нынешних, нашего круглого стола, в титуле которого оба термина присутствуют достаточно автономно, – и взяты, и помыслены, и представлены отдельно. Помарку «преимущественно» к вышеприведенным «определениям» все же необходимо сделать: образование – это «преимущественно...», воспитание же – «как правило и в большей степени...».

Итак. Вынесенная в заглавие формулировка проблемы «Образование как фактор воспитания» представляется не совсем корректной установкой. Она ориентирует мысль на вторичные, производные и «обратные» процедуры, позволяя – или призывая? – промахнуть мимо принципиальных вопросов, оставить их без должного внимания. Думается, что как раз обратное более существенно: именно воспитание предопределяет образование в его как общих, так и частных контурах, регламентах и приемах. Первое служит фундаментом и опорой второму: образование держится и устанавливается воспитанием. Только направляемое воспитательными регуляторами образование развивается в нужном русле и, в частности, в свою очередь, в качестве «обратного процесса», участвует в «антропологической дрессуре» посредством привития соответствующих навыков (приобщения к «производству по образцу») и передачи некоторой суммы знаний (информации). Однако и навыки, и знания уже отобранные, выбраны, легитимированы той или иной «позиционностью» (как индивидуальной, так и общественной). Поэтому «как фактор воспитания» образование всего лишь инструмент, который сам по себе, взятый или рассмотренный автономно, ничего не определяет и может быть использован в каких угодно воспитательных целях. Образованный человек совсем не синоним воспитанности или сдрессированности «надлежащим образом». Просто «знание» (чего-либо или о чем-либо) и «умение» (что-то делать или не делать) ничто в «воспитательном смысле» не гарантируют и ни от чего не страхуют.

Это прекрасно понимало советское время, придававшее именно воспитательным процедурам первостепенное значение во всем образовательном процессе – от самых низших (детсадовских) до высших (вузовских и поствузовских) ступеней. Воспитание вырабатывало взгляд, установку, настрой, цель. А это, как тогда считалось, гораздо более принципиально с социальной точки зрения, нежели подготовка специалистов-профессионалов или получение информации/знаний. Еще не выветрились из памяти практикуемые в тот период формы воспитательной работы – институты, мероприятия, структуры, персонажи, – которые опекали и направляли процесс образования, ни на минуту не оставляя его без внимания. Образование происходило под неусыпным присмотром воспитания. Первенство «гражданской позиции» и не скрывалось. Разумеется, тот или иной «род образования» (род деятельности) способен был придать некий «общий стиль» или «облик» прошедшим одну и

ту же «профессиональную формовку». Но сама возможность «обретения стиля» (профессиональной формы) подчас ставилась в прямую зависимость от соответствия определенной «модели образованности», что и подтверждалось, и удостоверялось определенными «знаками» (характеристиками, рекомендациями «соответствующих органов», наличием квот для идеологически привилегированных слоев населения, «путевок» и «направлений»). Философский и восточный факультеты – яркие и наглядные тому примеры: для подачи документов на эти «закрытые» факультеты, т.е. еще до прохождения отборочных вступительных испытаний, была необходима рекомендация партийных или комсомольских обкомов. Вначале – экспертиза на «воспитанность» (настрой, соответствие, лояльность), проводимая уполномоченными на это государственными структурами, и лишь потом – экспертиза «образовательная» (знания и умения).

Советский строй позади. Довлеющий над образованием воспитательный диктат если не устранен полностью, то на первый взгляд сведен до минимума и вроде бы уже не столь непреклонен, как прежде. Насколько мне известно, на сегодняшний день ни в средней, ни в высшей, ни в поствысшей школах не существует специальных подразделений-структур, поддерживаемых и финансируемых государством, которые непосредственно занимались бы воспитанием «подрастающего поколения» и несли бы за это ответственность. Поэтому коль скоро образовательные учреждения воспитанием специально не занимаются, сосредоточившись на другом, и государство вроде как тоже уклоняется от применения репрессивно-воспитательных методов воздействия в процессе образования, то резонен вопрос: а кто же, собственно говоря, сегодня воспитывает? Не опосредованно, «через образования» (при помощи передачи навыков и сообщения информации), а непосредственно и целенаправленно? Кому право присматривать за тем, как «вызревает» новая поросль, делегировано в качестве обязанности?

Если никакое государственное подразделение напрямую этим не занимается, то, следовательно, вся нагрузка ложится на всевозможные «частные инициативы» – общественные и добровольные организации, рассредоточенные по всему социальному телу, за исключением тех мест, где разворачивается легальный образовательный процесс. Собственно говоря, нет такого «органа» (человека, лица, учреждения), на который можно было бы подать иск за то, что подросток – «негодный гражданин», «скверный человек», «негодяй и мерзавец», ибо никто за это специально не отвечает, не несет ни персональной, ни корпоративной ответственности перед обществом. Государство устранилось, и выходит, что никто целенаправленно воспитанием «ребетенков» не занимается, они остаются без «официального присмотра».

Но подрастающее поколение как-то же вырастает, формируется, направляется, дрессируется, воспитывается. Не как прежде – через методичную, хорошо опробованную и прошедшую государственную выверку институализированную дрессуру. И отнюдь не в первую очередь посредством образования, которому в нынешней ситуации отведена функция лишь транслирующего знания и навыки инструмента, не смеющего даже посягать на большее – «на экзистенциальные устои». А потому в высшее учебное заведение приходят в подавляющем большинстве вопиюще невоспитанные подростки, о чем поведает абсолютно любой преподаватель. Без всяких «устоев», без внутренней «структуры», без малейших намеков на «жизненную позицию». Винить их бесполезно: их же никто не воспитывал. Или, что равносильно, все, т.е. культура или общество целиком через легально-легитимные наличные формы, получившие повседневное и повсеместное распространение. Другими словами, воспитывают контекст, звуки-запахи-краски, что улавливаются их органами чувств, жизненные ситуации и обстоятельства, в которых им доводится участвовать, или разнообразные события, событийность как таковая, что связывается «воспринимающим мир сознанием» в некоторое повествование (и личное, и общественное). Причем на это стоит обратить внимание, без развернутой прорисовки (объяснения, артикуляции, оглашения) онтологически-экзистенциальных регистров в их нормативном утروении, т.е. без выговаривания «предельных основ», что почему-то очень часто преподносится как «отсутствие идеологии». Но если во всякой культурно-событийной наличности все равно существуют определенные «основания», даже когда они не проговариваются вслух и не провозглашаются торжественно-публично (отсутствие идеологии – фикция), то в «формируемых адептах» их действительно нет. Поэтому-то и приходят «без внутренней структуры», «расползающиеся», никак не сориентированные.

Итак. В качестве «метавоспитателя» выступает культурно-событийная наррация, или та наличность, что нас окружает. Все общество, вся культура в лице конкретных обстоятельств (событий) участвует в воспитании. И образование только одна и отнюдь не самая главная нянька. Немаловажно и то, что все конкретные обстоятельства, по которым скользит траектория жизни входящего в общество человека, – локальные образования, каждое из которых не посягает на первенство абсолюта, вполне довольствуясь граждански-демократическим равенством, и действуют в них локальные же, только здесь принимаемые правила игры. Легитимация же таких «маленьких» (локальных) событий происходит, как хорошо известно, через перформацию, уже давно сделавшую любой «консенсус мэтров» и предполагаемый им универсализм государственно подозрительными (если, конечно, они выходят за пределы фиктивного общественного имидж-дизайна).

Нахождение в таких «маленьких событиях» при отсутствии четко выраженной доминанции какой-либо одной порождает соответствующий «запрос» (или, что тоже самое, вырабатывает ориентацию) лишь на овладение и в последующем только «правилами определенной игры», на умение «вписаться в ситуацию», правильно, т.е. соразмерно конкретным обстоятельствам «места и времени», функционировать в контексте. Позиция как «внутренняя структура» никогда не собирается в «осмысленный взгляд». Она не может установиться не только «по понятию», но и чисто «технологически», так как «смысл» ничем не удерживается и не подкрепляется в наличном потоке всевозможных мероприятий. Совокупный, или итоговый, «образ» (Человека, Общества, Культуры, наконец) никак не реализуется или постоянно откладывается на неопределенное время. Соответственно, формовка растягивается на неопределенное время, никогда не достигает завершения и продолжается всю жизнь, все время проходя лишь через «локальную оформленность» (согласно конкретным обстоятельствам-правилам) и вынуждая всех бежать «образовательно-воспитательный марафон». В принципе, в сегодняшней действительности образованным или воспитанным быть невозможно (т.е. «просто воспитанным», «просто образованным» или образованным и воспитанным «вообще», лишь – это самое большее – в конкретных обстоятельствах, что следует описывать, по-видимому, словами мастерство или умение), так как образа-эталона нет либо он остается фикцией, ничем в реальности не поддерживаемой. Остановиться же в этом марафоне нельзя, ибо это неминуемо приведет к срыву, ибо тут же и обнаружится отсутствие «фундаментального образца», принципиальная невозможность его артикулировать или предъявить.

Получается, что образование, лишенное воспитательных подпорок, уже не способно очертить «общую модель» (в том числе, конечно же, и профессиональную для каждой области), имея в репертуаре только набор «локальных модулей», все «проблемы» которых сводятся к юридической кодификации (согласованию в рамках государственного гражданского устройства). Естественно, что акцент в образовательном процессе переносится с «внедрения постулатов» на ознакомление и приспособление к обстоятельствам протекания того или иного культурно-событийного нарративного разворота, который и трактуется как «род профессиональная деятельность».

У меня нет уверенности, что таким образом можно достичь общего повышения уровня профессиональной оснастки, подготавливать специалистов экстра-невозможного-класса. Технологов, операторов, манипуляторов – несомненно. Образовательно-воспитательный марафон, что предложен нам всем бежать временем (бесконечное количество раз готовясь, переподготавливаясь, квалифицируясь и переквалифицируясь), достаточно утомителен и, что самое нелепое, не имеет финиша. Вроде

бы хорошо, что придется учиться всю жизнь: не заостенеешь в догматизме, не соблазнишься тщеславием. Только, как показывает опыт, подобная невозможность «достичь образца» и стать наконец «образованным и воспитанным человеком» все равно не спасают ни от воспитательных изъянов, ни от образовательных дефектов.